

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ СРАВНИТЕЛЬНОГО ПРАВОВЕДЕНИЯ

М. В. Захарова

КАТЕГОРИЯ «ПРАВОВАЯ СИСТЕМА» В ТЕОРЕТИКО-КОМПАРАТИВНОМ ЗНАНИИ РОССИИ И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Аннотация. В представленной статье автор обращается к опыту гносеологического анализа категории «правовая система» со стороны представителей различных научных школ и течений: позитивистской, пост-позитивистской, социологической и т.д. Устанавливается, в частности, что с точки зрения объема понятия «правовая система» можно говорить о двух основных методологических платформах в ее оценке – нормативной и социологической. Если в первом случае объем категории «правовая система» исчерпывается лишь нормативной основой, то во втором ее содержание укрупняется за счет новых элементов. Автор подчеркивает, что особое место в системе оценки правовой системы занимает культурно-ценностный подход. Используемый в сочетании с цивилизационной методологической платформой, сложившейся в юридической компаративистике, он способен вскрыть не только формальные стороны правового феномена, но и скрытые его свойства и стороны.

Также в статье проводится презентация четырех основных составляющих правовой системы: нормативно-правовой, организационно-правовой, функциональной и идеологической.

По ходу изложения материала автор делает вывод о необходимости интенсификации исследований означенного феномена в рамках общей теории права.

Ключевые слова: право, правовая система, теория права, подход, оценка.

Как отмечает профессор Ж.-Л. Бергель¹, термин «правовая система» мы можем найти уже в трудах конца XVIII столетия. В частности, в работе И. Бентама «Of laws in general».² У Ж.-Ж. Руссо в знаменитом исследовании «Об общественном договоре» употребляется термин «система законодательства». В XIX веке к данному понятию достаточно часто обращался один из основателей французской школы «Свободного права» Франсуа Жени³.

Современные западноевропейские исследования данного феномена представлены, в частности, работой вице – президента старейшего юридического факультета Франции (Сорбонны) – Ж. Тимсита⁴. Реализуя во многом пронормативистский подход к юридическому феномену, он дает характеристику правовой системы через единство двух ее измерений (плоскостей): вер-

тикальной и горизонтальной. Соответственно вертикальный срез правовой системы у него представлен системой генерации правовых норм: правопорядком как таковым; горизонтальный – системой отношений между нормами.

Одним из заметных теоретических исследований представленной категории сложившихся в рамках англо-американской правовой доктрины следует считать классическую работу по философии права середины XX века Г. Харта «Понятие права». Для Г. Харта правовая система предстает как некий «Янус»⁵ первичных и вторичных правил⁶. Отвергая теорию о том, что «в любой правовой системе где-нибудь за формами права должна таиться

⁵ Харт Г. Понятие права. СПб., 2007. С. 121.

⁶ «Первичные правила» возникают для обеспечения общения и ограничения произвола, для обеспечения или запрещения неких действий; «вторичные правила» – это «правила признания» (они определяют, когда должно быть создано правило), «правила изменения» (посредством их в правовую систему вводятся новые правила и отменяются старые), «правила юрисдикции», которые устанавливают: нарушено ли какое-либо первичное правило или нет.

¹ Bergel J.-L. Methodologie juridique. P., 2001. P. 24.

² Bentham J. Of laws in general. London. 1970.

³ Geny F. Science et technique en droit prive positif //Nouvelle contribution a la critique methode juridique. T. IV, n. 302.

⁴ Timsit G. Theme et systeme de droit. P. 1986. P. 26.

Работа проведена при финансовой поддержке Министерства образования и науки РФ за счет средств государственного задания на выполнение НИР по проекту 1658.

суверенная законодательная власть, являющаяся юридически неограниченной» он выдвигает два минимальных условия для существования правовой системы: первое адресовано к частным лицам и заключается в повиновении правилам, «исходя из любого мотива»; второму условию «должны удовлетворять официальные лица... они должны рассматривать эти правила как общие стандарты их поведения в качестве официальных лиц и критически оценивать отклонения от них – свои собственные и со стороны других – как прегрешение⁷».

Обращение отечественных исследователей к означенной выше проблематике был во многом связан с появлением в 60-70 годах прошлого столетия ряда переводных работ по юридической компаративистике, написанных в русле системного подхода к праву⁸.

Были в этом процессе впитывания зарубежных доктринальных опытов (и в том числе в оценке правовых систем!) и свои явные излишества. Как подчеркивает профессор В.Н. Синюков «прежняя научная парадигма классовой отчужденности от национальной правовой культуры обрела, таким образом, лишь новую, либеральную оболочку⁹». (Выделено нами. – М.З.).

К настоящему периоду времени весомый пул работ, посвященных исследованию правовых систем, представлен трудами В.И. Лафитского¹⁰, В.Е. Чиркина¹¹, В.Н. Синюкова, В.Н. Карташова, С.С. Алексеева, М.Н. Матузова, Ю.А. Тихомирова, М.В. Захаровой¹², А.М. Васильева, В.Н. Кудрявцева и ряда других.

И если говорить о представлении палитры подходов к познанию правовой системы, сложившейся в рамках отечественной юридической науки, с точки зрения объема этого понятия, то можно говорить о двух основных методологических платформах в ее оценке – *нормативной и социологической*. Если в первом случае объем категории «правовая система» исчерпывается лишь нормативной основой, то во втором ее содержание укрупняется за счет новых элементов.

Наибольшее распространение нормативный подход к означенному выше феномену получил в советский период развития российской юриспруденции. Так,

Л.С. Явич характеризовал правовую систему в качестве структурированной совокупности норм, включающей относительно самостоятельные образования (институты, отрасли, группы отраслей)¹³. На сходных позициях стоит и профессор Д.А. Керимов. В своей работе «Философские проблемы права» он терминологически определяет означенный феномен в качестве объективно обусловленного внутреннего объединения в единое целое правовых норм и их подразделений на отрасли¹⁴. Зачастую и современный российский законодатель (сознательно или нет) берет за основу именно этот методологический инструментальный при построении законодательных конструкций. Так, в части четвертой статьи 15 Конституции Российской Федерации закреплено, что «общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы...». Таким образом, авторы Конституции РФ, по сути, поставили знак равенства между категориями «правовая система» и «система права». На наш взгляд, при помощи такого узкого подхода нельзя охарактеризовать столь сложное явление как «правовая система». Мы полностью разделяем в данном случае позицию академика С.С. Алексеева, который еще в 1980 году писал, что «...указание на правовую систему означает, что в данном случае право берется в единстве с его проявлениями, с «сопровождающими» его компонентами правовой действительности»¹⁵.

Более оправданным в данной связи представляется социологический подход к означенному выше феномену. Так, профессор Н.И. Матузов указывал на то, что правовая система представляет собой «право как совокупность (система) создаваемых и охраняемых государством норм, законодательство как форма выражения этих норм (нормативные акты); система правовых учреждений, судебная и юридическая практика, механизм правового регулирования, процесс правореализации (включая акты применения и толкования права), законность и правопорядок, права, свободы и обязанности граждан (право в субъективном смысле), весь комплекс складывающихся в обществе правовых отношений, правовая идеология¹⁶. Профессор В.Н. Карташов определял правовую систему как «единый комплекс органически взаимосвязанных и взаимодействующих между собой правовых явлений (права, правосознания, юридической практики и т.п.), с

⁷ Харт Г. Понятие права. СПб., 2007. С. 121.

⁸ Прежде всего, речь идет о переводе работы Р. Давида «Основные правовые системы современности».

⁹ Синюков В.Н. Российская правовая система. Введение в общую теорию. М., 2010 С. 38.

¹⁰ См. подробно: В.И. Лафитский Сравнительное правоведение в образах права /Т.1 – М., 2010. Сравнительное правоведение в образах права. Т. 2. – М., 2011.

¹¹ См. подробно: В.Е. Чиркин Сравнительное правоведение: учебник для магистратуры. М., 2012.

¹² См. подробно: М.В. Захарова Сравнительное правоведение: вопросы теории и практики: монография / М. В. Захарова. – М. : Проспект, 2012.

¹³ Явич Л.С. Диалектика формы и содержания в праве // Философские проблемы государства и права. Л., 1970. С. 43.

¹⁴ Керимов Д.А. Философские проблемы права. М., 1972. С. 278.

¹⁵ Алексеев С.С. Право и правовая система //Правоведение. 1980. №1. С. 32.

¹⁶ Матузов Н.И. Правовая система и личность. Саратов, 1987. С. 19.

помощью которого осуществляется целенаправленное воздействие на поведение людей, их коллективов и организаций и юридическое обеспечение (обслуживание) разнообразных сфер общественной жизни»¹⁷, профессор В.Н. Синюков – в качестве «конкретно-исторической совокупности права (законодательства), юридической практики и господствующей правовой идеологии отдельной страны (государства)»¹⁸.

Как видим, лишь беглый взгляд на научные конструкции представителей социологического подхода к пониманию категории правовой системы с неизбежностью наталкивает нас на мысль о том, что по проблеме ее расширительного толкования единого рула отечественная юриспруденция пока еще не сформировала. И если нормативный, функциональный и культурно-психологический (идейный, интеллектуальный) аспекты понимания правовой системы по большей части не вызывают серьезной полемики в юридической литературе, то аксиологический, безусловно, становится темой для многочисленных дискуссий. Мы имеем в виду здесь, прежде всего, непрекращающийся спор между правоведами о роли и значении негативных правовых явлений (правового нигилизма, пробельности права и его противоречивости) в построении правовой системы как таковой. По нашему мнению, данные явления вряд ли можно отнести к содержанию правовой системы. Ибо, как совершенно справедливо указал С.С. Алексеев, «системный мир – это сфера официальных легитимированных и осознанных правовых форм, опосредующих извне изначально заданный людям порядок, задающий разумные рамки “возможного” и должного...»¹⁹. Для оценочной характеристики правовой системы, по нашему мнению, логичнее будет использовать категорию «правовая жизнь». Появившаяся сравнительно недавно на отечественном юридическом небосклоне (одним из первых ее конструкцию в современной российской правовой доктрине начал разрабатывать профессор А.В. Малько²⁰) данная категория имеет достаточно давние генетические основы. Ее терминологическое использование можно найти в работах как российских, так и зарубежных правоведов прошлого: Б.А. Кистяковского, И.А. Ильина, Н.М. Коркунова, Е. Эрлиха. Определяя теоретические основы «правовой жизни», профессор Н.И. Матузов указывал на то, что она представляет собой «реальность, с кото-

рой неизбежно и непрерывно сталкиваются люди и их коллективы, причем независимо от своего желания»²¹. В данном случае уместно сравнить «правовую жизнь» с политикой в значении, которое ей придавал французский писатель и политический деятель XIX века Шарль де Трион де Монталамбер. Получило широкую известность его высказывание: «Вы можете не заниматься политикой, все равно политика займется вами». Так и правовая жизнь: она опоясывает человека с момента его рождения до смерти независимо от его субъективной воли. При этом проявляя себя во вне не только с позиции должного и возможного как правовая система, но и во всей полноте негативных проявлений.

С точки зрения идеологической оценки категории «правовая система» представляется значимым для осмысления и практического использования *культурно-ценностный подход*, предложенный профессором В.Н. Синюковым. И такой подход к оценке правовых систем вполне применим не только к познанию отечественного социального бытия «России существенностей, живой крови, непочатой веры»²², где, как писал Василий Розанов «каждый факт держится не искусственным сцеплением с другим, но силой собственного бытия, в него вложенного»²³, но и в отношении зарубежных политико-правовых систем. Зададимся вопросом: что собой представляют сегодня так называемые «развитые правопорядки»? Только ли это стройные ряды юридических норм, как оловянные солдатики, стоящие на страже национальной государственности и готовые к эксплуатации в менее развитых правовых системах через открытые шлюзы рецептивных каналов? Безусловно, – нет. Представленные блоки – это лишь вершина айсберга, большая часть которого скрыта от человеческих глаз полотнами времени. Приоткрыть леденёную завесу неизвестности в данном случае исследователям поможет представленный выше подход, используемый в сочетании с цивилизационной методологической платформой, сложившимся в юридической компаративистике.

Продолжая далее экскурс в проблему, отметим, что с целью наиболее точного описания категории «правовая система» следует ограничивать и еще от ряда смежных понятий, в частности от категории «правовая надстройка».

Актуализация использования термина «правовая надстройка» в отечественной юриспруденции существовала главным образом в период социалистического развития нашей страны, когда марксистская идеология

¹⁷ Карташов В.Н. Теория правовой системы общества. Ярославль, 2006. Т. 1. С. 49.

¹⁸ Синюков В.Н. Российская правовая система. Саратов, 1994. С. 163.

¹⁹ Алексеев С.С. Восхождение к праву. М., 2001. С. 259.

²⁰ См. подробнее: Малько А.В. Категория «правовая жизнь»: проблемы становления // Государство и право. 2001. №5.

²¹ Правовая жизнь в современной России. Теоретико-методологический аспект. // Под ред. Матузова Н.И., Малько А.В. Саратов, 2005. С.10.

²² Розанов В.В. Религия, философия, культура. М., 1992. С. 33.

²³ Там же.

играла роль официальной доктрины. В исследованиях этих лет С.С. Алексеев отмечал, что «понятия «правовая система» и «правовая надстройка» в целом совпадают, за исключением того, что в содержание последней из названных категорий включается также негосподствующая правовая идеология и все формы правосознания²⁴. На сегодняшний момент времени следует отметить, что степень актуальности подобного использования понижается, хотя исключение данного термина из научного оборота также представляется ошибочным, прежде всего с историко-правовых позиций.

Не следует смешивать правовую систему с сообществами правовых систем в рамках одной компаративной конструкции. Ярким примером такого смешения является позиция Ролана Серусси. Так, в частности, Р. Серусси в своей работе «Введение в сравнительное правоведение» выделяет восемь основных правовых семей, существующих на сегодняшний момент на юридической карте: романо-германское право, Common Law, российское право, африканское право, японское право, китайское право, индийское право и скандинавское право²⁵.

К основным композиционным составляющим правовых систем следует относить нормативно-правовой, организационно-правовой, функциональный, идеологический (культурно-ценностный) элементы.

Как уже отмечалось выше, нормативно-правовую основу национальных юридических систем составляет позитивное право различных государств.

В российской теории права принято говорить о двух крупных блоках внутри данного элемента правовой системы: о системе права²⁶ и о системе законодательства. И хотя объемы этих понятий во многом совпадают²⁷, они отнюдь не тождественны друг другу. Так, отдельные текстовые части нормативного правового акта не могут быть признаны нормами права в точном смысле этого слова, а только нормативными положениями (в частности, преамбулы). А с другой стороны, — не все нормы права юридической системы могут быть актуализированы в нормативных правовых актах.

Однако подобное методологическое разделение, принятое в российской теории права, не может быть тотальным образом разделено всеми без исключения национальными правовыми системами. Оно актуально, прежде всего, для романо-германского юридиче-

ского мира, где основным источником права выступает нормативный правовой акт.

Структурирование позитивного права во многом предопределяется качественным своеобразием самих национальных правовых систем. Так, вслед еще за римской традицией в странах с континентально-европейским стилем правового мышления принято деление права на частное и публичное. В исламском мире подобное структурирование имеет во многом религиозные корни. Речь в данном случае идет о двух крупных правовых массивах: о «праве личного статуса» и о «праве властных норм».²⁸

Социальной материей для сравнительно-правового анализа в рамках организационно-правового аспекта объективации правовых систем становятся, прежде всего, различные институты публичного порядка, посредством которых право вызывается к жизни, вводится в общественную практику и получает обеспечительную силу государства. К таким объективациям следует относить правотворческие, правоохранительные, правоисполнительные, судебные институты. Их качественное своеобразие во многом предопределяется осевым вектором развития того сообщества правовых систем, к которому принадлежит тот или иной национальный правопорядок. Так, для стран англо-американского юридического мира представляется достаточно очевидным тот факт, что высшие судебные инстанции способны творить право. Тогда как в романо-германском юридическом сообществе вопрос о правотворческой функции суда по сей день остается дискуссионным и преимущественно разрешенным не в пользу актуализации судебных прецедентов как таковых. Также сущностную составляющую указанных выше институтов напрямую детерминируют и особенности построения механизма государства в рассматриваемом национально-территориальном поле. В частности, в абсолютных монархиях глава государства символизирует и правотворческие, и правоисполнительные, и судебные публичные институты.

Выделение функционального компонента ориентировано, прежде всего, на оценку права как реально действующего феномена, о его применении на реальную плоскость жизни.

Мониторинг качественных составляющих тех функций, которые выполняет позитивное право отдельно взятого государства, позволяет оценить и сущностные аспекты всей правовой системы в целом. Так, в правовых системах советского лагеря явно прослеживалась тенденция к усилению репрессивной функции права.

Еще римские юристы говорили: «лучше закон отсутствующий, чем бездействующий». Зачастую, в процессе своего развития правовые системы сталкиваются

²⁴ См. подробнее: Алексеев С.С. Право и правовая система // Правоведение. 1980. №1. С. 33.

²⁵ Séroussi R. Introduction du droit comparé. P., 2000. P. 2–3.

²⁶ В основе «системы права» лежат правовые нормы; она характеризует строение правовой информации и обеспечивает действие права как информационно-регулятивной системы.

²⁷ Подобное положение вещей наблюдается, когда нормы права закрепляются в статьях нормативного правового акта, а не в других источниках права.

²⁸ См. подробнее: Бехруз Х. Сравнительное правоведение. М., 2008. С. 286.

с проблемой отсутствия функционального аспекта во- площения правовых норм. Причины у этого явления могут быть разнообразные: отсутствие финансирования той или иной благой идеи законодателя, отсутствие социальной опоры проводимых в стране реформ, слепая рецепция зарубежных образцов правового регулирования без их переработки на национальную почву. В любом случае подобную деирархизацию правовой системы следует оценить как негативное явление, которое с необходимостью может вызвать ее надлом.

Когда мы говорим о праве как о реально действующем феномене, мы придаем этому словосочетанию безусловное объективное, а не субъективное значение. Конструкции психологической школы права и, в частности, профессора Л.И. Петражицкого²⁹, согласно которому, помимо положительного позитивного права, существуют еще детский, разбойничий, фантомный его аналоги, вряд ли могут получить свое закрепление в сравнительном правоведении³⁰.

Не следует также забывать, что национальный правопорядок каждого государства имеет в своей основе ту или иную культурно-идеологическую и цивилизационную основу. При этом следует сказать, что не только идеологическая экзистенция определяет с необходимостью ход развития национальных правовых систем, правовая система, в свою очередь, детерминирует направленность вектора трансформационного роста самой идеологической экзистенции. Ярким эмпирическим подтверждением подобного рода закономерности стала социальная жизнь России в XX веке. Марксистско-ленинская политико-правовая концепция, предопределившая вектор развития страны после октября 1917 года, в ходе своей реализации сама стала объектом глубоких реконструкций.

При выделении данного объекта сравнительного правоведения не следует также забывать об определенной конкуренции, которая имеется при его реализации с другими научными системами знаний и научными дисциплинами и прежде всего с философией права. Решение данной проблемы, касающейся предметов точного ведения разнородных научных систем в рамках юриспруденции, представляется следующим. Если для философии права имеет принципиальное значение мировоззренческая конструкция в прелом-

лении к юридической школе или направлению с тем или иным субъектным составом (в данном случае мы можем говорить, в частности, о социологическом, психологическом, антропологическом направлениях в юриспруденции, а также о юснатурализме или юридической догматике как об отдельных школах права), то для сравнительного правоведения имеет принципиальное значение культурно-ценностная составляющая права применительно к национальному правопорядку разной территориальной локализации. Когда мы говорим об идеологическом элементе, мы, в частности, можем сравнивать принципы построения той или иной правовой системы.

В российской юридической науке проблеме идеологического критерия построения национального правопорядка и соотношения его с нормативно-правовым основанием большое внимание уделял И.А. Ильин³¹. Определяя теоретические основы взаимодействия правового сознания и позитивного права, он, в частности, писал: «Право нуждается в правовом сознании для того, чтобы стать творческой силой, а правосознание нуждается в праве для того, чтобы приобрести предметную основу и объективную верность»³².

Итак, как видим, подходов к познанию правовой системы в научной литературе высказывалось значительное количество. Мы можем соглашаться с одними и отвергать другие, выдвигать собственные и дополнять уже существующие. Однако, в любом случае следует полностью согласиться с выводами, к которым пришли исследователи правовых систем по разные стороны европейского континента: *свою роль в исследовании правовых систем должна сыграть общая теория права*³³ (Выделено нами. – М.З.). Потенциал ее в этом вопросе является сколь весомым, столь, во многом, и не растраченным.

³¹ Iljin I.I. Über das Wesen des Rechtsbewußtseins, Munich, 1956.

³² Ильин И.А. Общее учение о праве и государстве. М., 2006. С. 217.

³³ Так, профессор В.Н. Синюков в своей классической работе по общей теории российской правовой системы, изданной в кризисный и во многом переломный период российского общества и отечественной гуманитарной науки, отмечал, что «теория отечественной государственности и теория правовой системы – новые направления общей теории права, открывающие дополнительные грани в предметном поле науки, созданном через исследование иных культур: их исторических и современных форм» // Синюков В.Н. Российская правовая система. Введение в общую теорию. М., 2010 С. 30. Симфоничен с ним и классик французской теории права Ж.-Л. Бертелье, когда писал, что «общая теория права должна высветить постоянные элементы, неизменно встречающиеся во всех правовых системах, и те элементы, в которых проявляются принципиальное отличие этих систем» // J.-L. Bergel Theorie general du droit. P. 2012. P.4.

²⁹ См. подробнее: Петражицкий Л.И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. СПб., 2000 г.

³⁰ По мнению Л.И. Петражицкого, к правовому феномену следует относить «многочисленные императивно-атрибутивные переживания, нормы, обязанности и т.д., которые касаются разных случаев и областей жизни и поведения, находящиеся вне сферы ведения и вмешательства со стороны государственного органов, судов и иных учреждений и начальства». //Петражицкий Л.И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. СПб., 2000 г. С. 87.

Библиографический список:

1. Bentham J. Of laws in general. London. 1970.
2. Bergel J.-L. Methodologie juridique. P., 2001.
3. J.-L. Bergel Theorie general du droit. P. 2012.
4. Iljin I.I. Über das Wesen des Rechtsbewußtseins, Munich, 1956.
5. Geny F. Science et technique en droit prive positif //Nouvelle constribution a la critique methode juridique. T. IV, n. 302.
6. Séroussi R. Introduction du droit comparé. P., 2000.
7. Timsit G. Theme et systeme de droit. P. 1986.
8. Алексеев С.С. Право и правовая система //Правоведение. 1980. №1. С. 33.
9. Бехруз Х. Сравнительное правоведение. М., 2008.
10. Ильин И.А. Общее учение о праве и государстве. М., 2006.
11. Керимов Д.А. Философские проблемы права. М., 1972.
12. Карташов В.Н. Теория правовой системы общества. Ярославль, 2006. Т. 1.
13. Матузов Н.И. Правовая система и личность. Саратов, 1987.
14. Петражицкий Л.И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. СПб., 2000
15. Розанов В.В. Религия, философия, культура. М., 1992.
16. Синюков В.Н. Российская правовая система. Саратов, 1994.
17. Харт Г. Понятие права. СПб., 2007.
18. Явич Л.С. Диалектика формы и содержания в праве // Философские проблемы государства и права. Л., 1970. С. 43.

References (transliteration):

1. Alekseyev S.S. Pravo i pravovaya sistema // Pravovedeniye. 1980. №1. S. 33.
2. Bekhruz KH. Sravnitel'noye pravovedeniye. M., 2008.
3. Il'in I.A. Obshcheye ucheniye o prave i gosudarstve. M., 2006.
4. Kerimov D.A. Filosofskiye problemy prava. M., 1972.
5. Kartashov V.N. Teoriya pravovoy sistemy obshchestva. Yaroslavl', 2006. T. 1.
6. Matuzov N.I. Pravovaya sistema i lichnost'. Saratov, 1987.
7. Petrazhitskiy L.I. Teoriya prava i gosudarstva v svyazi s teoriyey nravstvennosti. SPb., 2000
8. Rozanov V.V. Religiya, filosofiya, kul'tura. M., 1992.
9. Sinyukov V.N. Rossiyskaya pravovaya sistema. Saratov, 1994.
10. Khart G. Ponyatiye prava. SPb., 2007.
11. Yavich L.S. Dialektika formy i soderzhaniya v prave // Filosofskiye problemy gosudarstva i prava. L., 1970. S. 43.